

RDW

20
Pfennig

15. 7. 1924

съ иллюстрированным воскресным приложением „НАШЪ МІРЪ“

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО ВЪ БЕРЛИНЪ

Wochentag-Ausgabe Nr. 137.

RUL, russische demokratische Tageszeitung

Gegründet von I. Nessen, Prof. A. Kaminka, W. Nabokoff †

Подписная цѣна Въ Берлинѣ и пригородахъ, съ доставкой собственными разсылными ежедневно на домъ 1 зол. марка въ недѣлю, 4.30 мар. въ мѣсяцъ. Во всѣхъ почт. учрежд. Германія 4.30 мар. въ мѣсяцъ. Въ Германію въ Европ. страны: Австрію 45.000 австр. кронъ, Англію 5 шил., Бельгію 15 белг. фр., Болгарію 90 лев., Венгрію 47.000 венг. кронъ, Голландію 3 голл. гульд., Грецію 45 драхмъ, Дانیю 6 дат. кр., Данингск. обл. 6 гульд., Испанію 6 пез., Италію 18 ит. лиръ, Латвію 200 латв. руб., Литву 12 литъ, Люксембургъ 15 фр., Мемельск. обл. 12 лит., Норвегію 6 норв. кр., Польшу 6 злотъ за 1 мѣс., Португалію 20 эск., Румынію 180 лей, Турцію 120 піастр., Финляндію 30 фин. м., Францію 15 фр. фр., Чехословакію 24 чеш. кр., Швейцарію 6 шв. фр., Швецію 4.50 шв. кроны, Эстонию 300 эст. мар., Югославію 60 динаръ. Во вѣсѣ Европы: Азію вост. 3 іены, Азію зап. 5 шил., Инд. Инд. 3 голл. гульд., Америку вообще 1.50 долл., Аргент. респ. 3 бум. пезо, Бразилію 9 милль., Чиле 9 бум. пезо; Африку: Англ. амаз. 5 шил., Итал. ал. 18 ит. лиръ, Франц. ал. 15 фр. фр. Къ заказу просить прилаг. деньги, во изб. замедл. отсылки.

Объявленія. Цѣны въ золотыхъ маркахъ:

20 золотыхъ пфенниговъ за миллиметръ (ширина строки) въ отдѣлѣ объявленій.

1 зол. марка 85 пфен. за миллиметръ въ текстѣ.

15 золотыхъ пфенниговъ за миллиметръ за объявленія о розыскахъ и смерти.

10 зол. пфенниговъ для врачей.

15 " " " приг. повѣренныхъ.

10 зол. пфен. за миллиметръ для шпунныхъ мѣстъ.

При крупныхъ заказахъ скидки по тарифу. Заграничныя объявленія по особому тарифу. Пріемъ объявленій и подписка въ „Ullsteinbau“ Berlin SW 68, Kochstr. 22-26, и во всѣхъ городскихъ отдѣленіяхъ Ullstein'a. Редакція (тамъ же) открыта ежедневно отъ 11 час. утра до 2 час. дня. Редакторы принимаютъ ежедневно отъ 1½ до 1¾ часа дня. Телефонъ редакціи Dönhof 47-61.

Основанъ I. В. Гессеномъ, проф. А. И. Каминка и В. Д. Набоковымъ †

№ 1097-й

Вторникъ, 15 іюля 1924 г.

5-й г. изд.

раньше, обладая в виде политического союза с Кемаль-Пашей и с его новой Турцией. Все это существенно изменяет положение вещей на ближнем востоке.

Ко всему этому можно добавить еще, что великобританская дипломатия, после провала константинопольской конференции по мусульманскому вопросу, оставшемуся неразрешенным со времени лондонской мирной конференции, не осталась сидеть сложа руки. Когда сэр Перси Кокс, уполномоченный защищать великобританские интересы в связи с мусульманским вопросом, спокойно заявил турецкому уполномоченному и министру иностранных дел Имет-Паше, что Англия не собирается возвращать Мосуль Турции, то у него в кармане уже находился другой проект. Сперва то, что воинственные и примитивные турки палец о палец не ударяли в защиту своих претензий на Мосуль — лежит именно в новых английских предложениях и интригах, остроте которых направлено против русских жизненных интересов на Кавказе. Англичане сделали очень простой расчет: чтобы отвлечь внимание турок от Мосула, они толкнули их на старую мысль о захвате русского Закавказья. Турки резко принесли за проведение пантюркистской среди мусульманского населения Закавказья. Тифлисская и Эриванская газеты неоднократно отмечали факт активности агитаторов, прибывавших из Турции и, не скрывали своего опасения, что «английская стала опять галить». А «Звезда Востока» прямо писала: «закавказский протест с точки зрения на границу и будь на стороне — Английский империализм собираются устроить в Закавказье «второй Туркестан».

В Москве, конечно, относятся совсем равнодушно ко всему, что потеряла Россия, благодаря дипломатии Чингиза, на своих окраинах. Грузинские и армянские, с позволения сказать, коммунисты и раньше, конечно, между собой и неофициально заявляли, что не останутся равнодушными к тем потерям, которые понесли грузинские и армянские области в результате брест-литовского и карского договоров, по которым к Турции отошли короткая часть русской Армении и обширные грузинские провинции с 600.000 жителей. Судя по тому, как случится, что недавно вопрос о возвращении захваченной с позволения Чингиза, территории был поставлен в практическую плоскость.

Специальная комиссия в состав из военных специалистов и представителей от «Кавбюро» коммунистической партии в некоторые время тому назад находилась в инспекционной поездке, с целью осмотра советско-турецкой границы. По возвращении своим в Тифлис эта комиссия послала в Москву — Реввоенсовету, Главному Штабу и Политбюро обширную докладную записку о состоянии советско-турецкой границы со своим заключением. Содержание его было в общих словах таково: вследствие потери Карса и Ардагана — нынешняя русско-турецкая граница не представляет никакого стратегического значения, как для нужд обороны, так и для нападения, а южная часть Армении совершенно открыта для нападения со стороны Турции; поэтому комиссия предлагает более, чем необходимым,

А. П. Чехов и О. Л. Книппер-Чехова в 1902 году.

(Из книги: Письма А. П. Чехова к О. Л. Книппер-Чеховой. Кн-во Слово. 1924 г.)

чтобы на очередь был поставлен вопрос о возвращении захваченных Турцией пунктов — мирным или насильственным путем все равно — причем тут же, вконец упоминается, что присоединение, если это будет возможно, Эрзурума к Закавказской конфедерации СССР окончательно бы укрепило военную безопасность этой последней и было бы крайне выгодно в общих стратегических интересах.

Весьма интересно, как относится Москва к этим требованиям. Закавказские коммунисты, рассуждая так, что если, да, вы можете ратовать за дессабрацию и становиться на национальную точку зрения на Закавказском вопросе, так почему же нельзя принять эту точку зрения в Турции, — думать, что им удалось склонить Москву на открытую борьбу с турками националистами. Для этого, говорят они, нужно только время.

Евгений Жуков.

Германские делегаты коминтерна в БССР.

4-го июля в Минск прибыли представители германской делегации на конгресс коминтерна для принятия решения над Н-ской лигацией. Председатель белорусского совета народ комиссаров Адамович заявил от имени коммунистической партии БССР о намерении этой партии «неуклонно выполнять задачи, возлагаемые на коммунистическую партию коминтерном». В ответ на это германские делегаты коминтерна Якобс выразил пожелание, чтобы 6-й конгресс коминтерна собрался в Берлине.

судить не столько дельно с общества, сколько самое общество, что в ней погонять сам офицер, или бывший офицер Тузенбах, в этом последний не убавился только потому, что он был убит гораздо раньше. Как бы то ни было, автор «Смущенной истории», изобразивший «тишину скуки», революцию чувств, ее нарастание, тяжело шаг каменного гостя ощущая, но самого его это трагическое разделение не коснулось, и только накануне русского эмиграции пришло Чехову жить и творить. Может быть, это находится в связи с тем, что и вся его литературная роль была им сыграна, так, тщательно сыграна, в известной промежуток между двумя периодами нашего культурного развития; и как могла его образовать печальную между на исторической ниве России, так и писательская жизнь его заняла тоже эту ниву. Действительно, с одной стороны он примыкает к традициям русского реализма и является одним из его последних могикан, Воиничем в союзе с нашими классиками, вращаясь в прозе Пушкина и Тургенева; с другой же стороны, он собою начинает русский модернизм. Чуткий и чистый, приверженный к самым эстетическим принципам простоты, подаривший нам образы, естественные, в искусстве, натуральность, в идеализме, он уважает факт, никогда его не искажает, всегда следует за натуры правды; но в то же время факты жизни он освещает больше догадками, касаются их бережно и осторожно, берет из них только из идеальную картину-основание. Мир остается

Печать.

Корреспондент «Известий» описывает положение республики в Крыму. Поволжье, в которой сельское хозяйство безусловно является основой для экономической жизни.

Порядок республикой теперь живо востановить страстные призывы 1921 года. И потому неудивительно, что среди нашего населения царит паническое настроение.

Крестьяне распродают весь свой инвентарь, в частности скот, при чем пропадает не только мелкий рогатый скот, также и молочный скот и рабочий скот.

Корреспондент сообщает, что в то время как мясо стоит от 6 до 8 коп. за фунт, рога мышей доходят тут же до 10 коп.

Паника частично переносится и в города, где была мука доходит до 6 рублей за пуд.

А главное, отчаяние охватило все население и оно думает, только о том, чтобы куда нибудь эмигрировать.

Уже на 1 июля число остро нуждающихся населения достигает 61.578 человек и эта цифра в настоящее время безусловно возросла.

А «Известия» рассуждают эту корреспонденцию словами: «1921 год не повторится».

Советские газеты заинтересовались печатанной в «Руте» статьей проф. Макленова, посвященной тяжелым усло-

виями 500 русских детей эмигрировавших из России. Этот воспоминания газета противопоставляет

не плохое исследование жизни, радости, и стремлений детей школьного возраста в связи со смертью Ленина.

Конечно, в этом исследовании удостоверяется, что Ленин помогал бедным, что он хотел чтобы работали все давали даром и т. д. «Известия» восхищаются этими заявлениями детей и пишут:

Счастье, что у нас растут молодые, свежие, бодрое, полное радости и живой деятельности жизни, третье поколение.

И в том же номере газеты наряду с этой громкой радостью по поводу все растущего консенсуса мы читаем сообщение, что в Москве нет спасения от эмигрантов.

Драки, пьянство, приставание к прохожим, порча общественного достояния и другие дикой выходки все больше делают повседневными и принимают такие размахи, что президиум Моссовета признал необходимым принять самые строгие меры к борьбе с ними.

Однако, очевидно, порыв мёра должен быть в упреждение консенсуса.

Последний номер журнала «Ломы» асеров задал своим товарищам весьма острый вопрос в связи с убийством итальянского социалюта Маттеотти.

Весь мир рабочих потрясен и протестует.

Не протестуют только те, кто так охотно и безразлично устраивают казенные демонстрации.

Против преставления кооперации в Болгарии, против злостной буржуазии в Турции, в Венгрии, в Румынии, против обмана в берлинском торговом.

Мало того, когда были убиты итальянские офицеры в Албании, советские люди постыдно выразили сожаление Муссолини. Почему же теперь, спрашивает «Звезда Борьбы», они не устроили народной демонстрации в Москве перед помещением итальянского посла.

Почему все-таки, спрашивает газета в самом деле, почему?

Как известно, больше всхлз на пользу советской власти и коминтерна старается неутомимый Мерхольд. Теперь он ставит новую «песню» Д. Е. (Даше Европы). И вдруг оказывается, что и Мерхольд заражен контр-революционным.

В самом деле это Д. Е. проповедует ту мысль,

что мировая революция произойдет не иначе, как при помощи суб-атлантического туннеля.

Все писца производят вообще так же впечатлительные,

что у нас занимаются только спортом и мечтами о туннелях.

Коллонтай и Мерхольд — такими прочные устои советского режима.

Памяти Чехова.

(К двадцатилетию смерти).

Каких-то прекрасных анахронизмов является Чехов — теперь, когда повелели концы русской истории, когда в необозримую даль отделилась та эпоха типичная и всеобщая провинциализма, за фойе которой выступало его творческое лицо. Он не был матеожет, он не искал бури, и суждено было ему свою недолгую жизнь прожить в безбурной полосе нашего государственного бытия. Двадцать лет назад умереть он, черес полтора года после начала русско-японской войны, и не очень далеко от русской портовой революции. Он — не ко времени в такое время, когда разорены не только дворянские, но и всякие иные гильды, когда влияние сады, а вместе с ними подчас и жизни, отняты не только у помещиков Гавенха, но и у купцов Лопухиных, когда под гул и шум обвешившей истории вбежали для читательского внимания всеобщие отголоски типичных живописцев дум, мастеров психологического пейзажа, Лавентар русской литературы.

Замечательно, что в это время правды прозы и катастрофы ему не было чуждо; так, его бороз Тузенбах в «Трех сестрах» говорит: пришла время, надвигается на всхлз наша громада, готовится адоровая, ослепная буря, которая идет, уже близка и скоро одувет с нашего общества дым, разволнувшись, предвещает к труду, гнилу скуку. Что эта буря не ослепит адоровой, что она

миром, подлинный вид его не в том, не разбавляется, — лишь захвачена на пороги субъективизма впечатлений, лишь пронизана его музыка единственного чеховского «настроения», т. о. несется от элементарной скрипки нашего художника возмущенная волна тонкого чувства. Элементарски одухотворяет Чехов материальность, но ей себя не замыкает. Его лиризм — чистый лиризм и деликатен. Чехов — лирик-реалист; именно это соотношение и спасает его от тех напряжений возмущенной искусственности, а не искусства, которые незаконно поглощают в прихотливые писателя объективную правду внешнего мира.

Но лиризм и провинциальность, и созерцательная настроенность: все это — чуждость не для наших грубых дель. И если мы вправду авторскую исповедь Тригорина в «Наши» считаем исповедью и его творца то надо признать, что именно теперь жалобы Чехова на читателя имеют больше оснований, чем когда-либо. Никогда приносилось молитвы и жертвы для Игноту, богу псевдомому: не такими ли же боготом оказывается и для писателя читатель — этот равнодушный, индифферентный, недоброжелательный, этот заглаженный и изломанный читатель? В одном из писем к Горькому Чехов сообщает ему бояться и «читателя бездарного, того, кто своим бездарностью раздражает и насилует дар писателя и принашивает его к уровню своих жалких требований. Так, враждебный и непонятливый, стоит читатель перед писателем, который служить ему и наделяет его своими лучшими дарами. Та

преимущественные читатели, которые на являются критиками, в свое время особенно оторвали Чехова своей угрюмой чуждостью его свободному творчеству; и неоравненно больше могли бы его угнетать те безымянные зноши и длушники, братья и сестры стрел сестер, племянники и племянницы дяди Ваши, которые на его страницах открывали для себя источник поэтичности и красоты. Но, все равно, в каком бы разгаре ни принадлежал читатель, Тригорин — Чехов — одинаково испытывает олимпийское горе от своего ремесла, горе от ума: «Что мне покоя от самого себя, и я чувствую, что стылал собственную жизнь, что для меда, который я отдал кому-то в пространство, я обираю палец с своих лучших пестов, рву самые цветы и топчу их коренья. Под спокойной и безразличной оболочкой своих рассказов, под их скупой и сдержанной мелочью, в их невольномутаме тон Чехов таит утопленную впечатлительность, и он в самом деле стелбает свою жизнь, свою думу, реалт свои угнетения цветы, чтобы отдалить кому-то в хололону и таинственное пространство медь своего художества. Надо было сжигать самого себя и тратить все свои краски, чтобы вознели для читателя все эти мазовия и лаосцильные миниатюры, в которых была такая сосредоточенность человеческого содержания. Овои афоризмы, овои сжатая прелесть медь не только мысль, но и искусство. Вот Чехов и улетел порою в длух стрелок, набросанных в записной книжке, пока

зывать цѣлыми перепокитивъ характеровъ и судьбъ. «Жена рыдала. Мужъ ваялъ ее за плечи, встряхнулъ, и она перестала плакать...» развѣ этого не достаточно, развѣ это не готовое произведеніе литературы? Или мимоходомъ, въ письмѣ роняетъ Чеховъ такую жемчужину: «Въ Совастополѣ въ лунную ночь я ѣздилъ въ Георгіевскій монастырь и смотрѣлъ внизъ съ горы на море; а на горѣ — кладбище съ бѣлыми крестами. Было фантастично. И около калѣй глухо рыдала какая-то женщина, пришедшая на свиданіе, и говорила монаху умоляющимъ голосомъ: «если ты, монахъ любишь, то уйди.» Но чтобы находить такіа драгоценности художественнаго лаконизма, нужно было глубоко опускаться на дно своей души, нужно было призывать всѣ силы своего ума и сердца, но жалѣть цвѣтотъ и корней своего существа. Было бы не въ духѣ, но въ стилѣ Чехова сказать, что читатель, это — коршунъ писателя — Прометей; но безспорно, что терзающа писателя читатель и требуетъ отъ него страдальческой жертвы.

Еще и на другое страданіе указываютъ Чеховъ-Тригоринъ. «Я люблю вотъ эту воду, деревья, небо, я чувствую природу, она возбуждаетъ во мнѣ страсть, непреодолимое желаніе писать. Но вѣдь я не пейзажирую только, я вѣдь еще гражданинъ, я люблю родину, народъ; я чувствую, что если я писатель, то я обязанъ говорить о народѣ, объ его страданіяхъ, объ его будущемъ, говорить о народѣ, о правдѣ человѣка... и я говорю обо всемъ, тороплюсь, меня со всѣхъ сторонъ подгоняютъ, сорываются, я мчусь изъ стороны въ сторону, какъ лисица, затравленная пси-

ми, вѣду, что жизнь и наука все ухитрятся впередъ и впередъ, а я все отстаю и отстаю, какъ мужикъ, опоздавшій на поездъ.» Мы помнимъ еще, какъ «сѣрдилісь» на Чехова такіе неравноцѣнные, но въ общемъ и въ общественномъ вѣсѣ таин родственный между собою читатели, какъ Михайловскій и Скабичевскій; мы знаемъ, что только удивительная духовная свобода автора «Мужиковъ» позволила ему оставаться самимъ собою и не поддаваться на всякіе торопливыя уговоры и угрозы изъ противоположныхъ лагерей. Говорить о народѣ и его страданіяхъ Чеховъ объявляетъ самого себя, но онъ не хотѣлъ и не терпѣлъ, чтобы къ этому его обязывали другіе. И если самъ онъ былъ настолько силенъ, что не метался изъ стороны въ сторону, то ясно и со скорбью видѣть, какъ это дѣлаетъ его товарищи по перу; а если бы онъ покинулъ домъ, то еще болѣе ясно и еще съ большей спорбю увидѣлся бы онъ и то, что бывало помчавшіся и кружоніе погарпѣвшіа побѣдъ русской жизни оставить позади себя не только писателя и мужика, и науку, но всю раздавленную Россію вообще. Вопреки мнѣнію многихъ и вопреки видимости, все, что въ «гражданской скорби» было неоплошоваго и нескранныго, Чехову было свойственно. Нездаромъ въ письмахъ своихъ онъ привѣтствуетъ юбилей Чупрова, утверждаетъ, что «нуженъ хоть кусочекъ общественной и политической жизни, хоть маленькій кусочекъ», съ тоскою и насмѣшкой упоминаетъ о молебнѣ по случаю бунта, объ «окропленіи розогъ святой водою», и въ Венеціи думается ему, о томъ, что «рус-

скому человѣку, бѣдному и приниженому, дѣлѣсь, въ мірѣ красоты, богатства и свободы, не трудно сойтъ съ ума»; пророчески оказалось его предостереженіе, что съ Портъ-Артуромъ, съ этой «незамыслимой Феодосіей на восточномъ берегу», мы «наживемъ себѣ массу хлопотъ» и онъ «обойдется намъ дорожко, чѣмъ если бы мы задумали завоевать всю Японію.»

Въ двухъ отношеніяхъ, значитъ, не чеховская теперь пора: и того внимательнаго слухомъ и сердцемъ читателя, о которомъ онъ мечталъ, не поставяется наша суровая жизнь, и того удовлетворенія гражданскому чувству не даетъ она, которое онъ считалъ такимъ необходимымъ для писателя. Надо оглянуться на прошлое, чтобы увидѣть Чехова. Въ настоящемъ его нѣтъ. Какою старинною, какою отсталостью «буржуазныхъ предразсудковъ», вѣетъ отъ словъ его героини: «моя волнуетъ, оскорбляетъ грубость, я страдаю, когда вижу, что человекъ недостаточно тонко, недостаточно мило, любезен!» Къ нашему времени и къ нашимъ людямъ подходитъ съ мѣрилами тонкости, милости, любозности... Тамъ страдало бы духовное изящество Чехова, если бы онъ былъ нашимъ современникомъ.

Но хочется думать и вѣрить, что онъ только отсрочилъ, а не отставилъ со-бытій, когда душа остается наодивъ съ собою, къ ней возвращается Чеховъ, и опять ласкаютъ ее сладостныя пуновенія его словесныхъ чаръ. Есть какое-то необходимое чеховское начало въ нашей поэтикѣ, и оно не поддается разрушенію исторіи.

Наша эпоха только завѣсила Чехова, какъ завѣшиваютъ зоркала въ домѣ, гдѣ есть покойникъ. Но сама по себѣ и сама въ себѣ сохранилась и ждетъ своихъ созерцателей его тихая красота.

Не знаю, будутъ ли въ двадцатую годовщину его смерти отслужена панихида на его могилѣ въ Московскомъ Дѣвичьемъ монастырѣ. Но раньше, раньше 3-го іюля по старому стилю какія паломничества совершались туда, какъ будто къ святымъ мѣстамъ, къ одному изъ святыхъ мѣстъ русской литературы! И мнѣ уже случилось писать о томъ, что съ сосѣднихъ Женскихъ Курсовъ, не только въ помянутое днѣ, приходили на эту райную Могила, гдѣ подлѣ своего отца на вѣчный покой улегся Чеховъ, — приходили когда-то обитательницы поэтической Дѣвичьей Поля, юныя курсистки, русскія дѣвушки, похожія на дѣвушекъ въ его разсказахъ и пьесахъ, и къ подножію его памятника съ любовью влили свои скромныя цвѣты, полевые цвѣты его любимыхъ родныхъ полей, пушистыя вербы и вѣтки съ вишневыми дорывочья, и думали о томъ, и тосковали по немъ, и воскресали протъ собою его собственный задумчивый образъ и милые женскіе образы его не тѣмныхъ страницъ...

Б. Каменецкій.

Р. С. Въ моемъ продуманомъ очеркѣ опечатка (марксизма вмѣсто максимализма) исказила смыслъ фразы: «страха максимализма такъ приучила насъ къ минимализму.»